

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 159.9.016.1

Алёхина Е.В.

Московский государственный областной университет,

Силуянова И.В.

*Российский национальный исследовательский медицинский университет имени
Н.И. Пирогова (Москва)*

БИОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ ПСИХОЛОГИИ КАК «НАУКИ О ДУШЕ» (II)*

Аннотация. Для современной психологии характерно противоречивое сочетание попыток стать эмпирической наукой и практикой применения разнообразных псевдонаучных «методик». В результате знания о человеке, добываемые на такой основе, оборачиваются против человека. Это актуализирует необходимость биоэтического подхода как формы гуманитарной экспертизы «практик» современной психологии. Необходимо распространить основной принцип врача «не навреди» и на профессиональную деятельность психолога. В подготовке специалистов педагогической психологии целесообразна поддержка направления, базирующегося на синтезе с православно-христианской этикой и антропологией.

Ключевые слова: биоэтика, душа, имморализм, научно-позитивистская психология, бихевиоризм, теория деятельности, психоанализ, аналитическая психология, гуманистическая психология.

Ye. Alekhina,

Moscow State Regional University,

I. Siluyanova

Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov (Moscow)

BIOETHICAL ANALYSIS OF MODERN PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGY AS A “SCIENCE OF THE SOUL” (II)

Abstract. Contemporary psychology is characterized by a contradictory combination of attempts to become an empirical science and practices which consist in application of various

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №140300581. Начало – Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2.

© Алёхина Е.В., Силуянова И.В., 2015.

pseudoscientific «methods». Thus the knowledge about man received with the help of such techniques turns against human beings. A necessity arises of a bioethical approach as an essential form of humane expertise of contemporary psychological «practices». It is necessary to apply the physician's main principle «do no harm» to the professional activities of the psychologist. In pedagogical psychology training it is rational to support the course which is based on the synthesis of Orthodox Christian ethics and anthropology.

Key words: bioethics, soul, immorality, scientific and positivist psychology, behaviourism, activity theory, psychoanalysis, analytical psychology, humanistic psychology.

Об имморализме в психологии

Рассмотрев историю и логику развития психологии как самостоятельной эмпирической науки, руководствующейся общим принципом позитивизма в философии и операционализма в психологии, мы обнаруживаем у неё отказ от метафизических (онтологических) позиций, прежде всего от понятия «душа» как антинаучного. При абсолютизации такого подхода появляется удивительная особенность научной психологии – феномен сущностной имморальности.

В подтверждение сказанного остановимся прежде всего на тех психологических концепциях, в которых прослеживается связь с философией, присутствует мировоззренческая система, обоснованность трактовки человеческой природы: бихевиоризм, гештальтпсихология, психоанализ, деятельностьная теория, гуманистическая ориентация, экзистенциальная и когнитивная психология. Рассмотрим их подробнее с точки зрения их духовно-нравственных оснований, оценивая с позиции христианского персонализма. Персонализм понимается здесь не как конкретная философская школа, но как умонастроение возврата к самому себе через возврат к Богу, и в этом значении он противопоставлен позитивизму.

Бихевиоризм (поведенческая психология), базируясь на рефлексоло-

гии И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева и И.П. Павлова, сводил поведение человека, по существу, к формуле «стимул – реакция». Эксперименты русских учёных привлекли внимание американского психолога Дж. Уотсона, основателя этого направления, который, не видя качественного различия между человеком и животными, утверждал необходимость изучения преимущественно внешнего поведения человека (а не его сознания и психики) для предсказания и контроля. В работе «Психология глазами бихевиориста» (1913) он пишет: «Бихевиорист в своём стремлении выработать унитарную схему реакций животного не видит никакой разделительной черты между животным и человеком...» [14, с. 282]. Именно Уотсон проявил удивительную способность не считаться с «лежащим на поверхности» противоречием исходного методологического принципа и самой сути психологии. Не усматривая никакой разделительной черты между животным и человеком, психология должна была бы признать ненужность самой себя, с чем она не может согласиться. Именно поэтому два противоречащих друг другу принципа образуют её «методологическую базу»: с одной стороны, признание общности, т. е. инстинктивности поведения животного и человека, а с другой – признание изменчивости поведения человека под влиянием воспитания и

внешних воздействий (в частности, воздействий со стороны самой психологии – знания, призванного к модификации и управлению поведением, предлагающего сделать из человека всё, что сочтёт необходимым).

История психологии свидетельствует о том, что в творческих поисках, методах и приёмах исследования психологи никогда себя не ограничивали. Классическими в психологии признаны опыты Уотсона по изучению формирования эмоций у младенцев. Однако с биоэтической точки зрения опыты над детьми и младенцами являются примером особо циничного насилия, поскольку испытуемые не в состоянии дать информированного согласия на проведение экспериментов над собой. Кроме того, мы имеем яркий пример научного шарлатанства: открытие общеизвестного (младенец в состоянии испытывать чувство любви) и явное упрощение (любовь как физиологическая реакция). Человеческое поведение для него всецело детерминировано прошлым опытом и полностью прогнозируемо. Такая психология не оставляет никакого места для свободы человека, уравнивая его поступки с поведением животных, действия которых не могут быть подвергнуты морально-этической оценке.

Не случайно один из первых «научных» психологов, исследовавший чистую «физику» поведения без «метафизики души» Эдуард Титченер (1867–1927) дал испытуемым особое название – «реагенты», по аналогии с пассивными реактивами в химии, да и сами опыты не отличались гуманностью. Методы экспериментальной психологии постоянно сопровождались настораживающими явлениями.

Длительные эксперименты по самонаблюдению, лежащие в основе метода интроспекции В. Вундта, по свидетельству многих психологов, вызывали у участников эксперимента серьёзные душевные заболевания [14, с. 95].

Европейское научное сообщество совсем не однозначно реагировало на формирование имморалистических, в своей основе антихристианских методологических принципов изучения человека. Ещё раз подчеркнём, что христианский взгляд на человека предполагал, что душа, ум и воля могут и должны управлять поведением и телом человека на основе принципа целостности и иерархизма природы человека, т. е. системы неразрывного взаимодействия души и тела. При этом полагалось, что воздействие тела на душу вторично и может контролироваться разумом и волей человека.

Нельзя не отметить, что в самой психологии то и дело возникали различные формы противостояния бихевиористской примитивизации в понимании человека. Однако оказалось, что поведение животных, не говоря уже о человеке, гораздо сложнее предложенных схем отношений стимула и реакции. На особенности сознания человека направили свои исследования *гештальтпсихология* и *когнитивная психология*, пришедшие на смену бихевиоризма. «Теория поля» Курта Левина (1890–1947) была попыткой использовать физическое понятие «силового поля» общественного воздействия для объяснения поведения личности. Исследователь вводит также понятие «годологическое пространство» (от греч. *hodos* – *путь*), включающее в себя все события прошлого, настоящего и ожидаемого будущего, влияющие на жизнь человека.

Новое направление – *когнитивная психология*, осознавая невозможность дать подлинное объяснение поведения человека, меняет акценты. С точки зрения этого направления, предметом исследования становятся не реакции организма на стимул, а процесс познания; не поведение, а сознание. Жан Пиаже (1896–1980) изучает стадии развития сознания ребёнка, Джордж Миллер (1920–2012) и Ульрик Найссер (1928–2012) утверждают, что когнитивная психология имеет дело с изучением видов исключительно психической деятельности – ощущениями, восприятием, памятью, воображением, мышлением как формами познания. При этом моделью для понимания психики становятся компьютерные программы, программное обеспечение, что отражает традиционную приверженность научной («объяснительной») психологии механистическому подходу к человеку как к «человеку-машине». И вновь возникает вопрос корректности не только с методологической, но и с этической точки зрения подходить механистически к высшим психическим процессам, в особенности к рациональным процессам выработки суждений и принятия решений.

Нельзя не отметить при этом мощный прорыв когнитивной психологии из «плена» психоаналитического понимания бессознательного. Бессознательное в когнитивной психологии понимается как «неосознанное», как интегрированная часть процессов научения и обработки информации, когда доля воспринимаемой информации не осознаётся, а действие носит автоматический характер. При этом важна не только констатация того, что большая часть процессов у человека проходит

на неосознанном уровне, но и бесспорность утверждения бессмысленности изучения поведенческих актов в эксперименте. Человеку в принципе не дано всё знать и, значит, рассказать, каким образом он обрабатывает информацию, – тем более, заметим, если он изначально исключает из понимания своего поведения моральное сознание.

Критическую напряжённость внутри психологического пространства резко усилило появление *психоанализа*, который сводил к минимуму роль стимулов окружающей среды для человека, так как, с точки зрения фрейдизма, вовсе не они, а внутренние конфликты играют ведущую роль в формировании поведения человека. Какова же здесь оценка морали и морального поведения человека? По утверждению сербского психолога и богослова В. Еротича, «основными мотивами возникновения морали и морального поведения, по мнению психоаналитиков, должны были быть: страх, наказание, принуждение, запрещение. В соответствии с такой точкой зрения, мораль есть *отрицательное обусловливание* (бихевиористская школа в психологии ещё более откровенна в защите этого тезиса: «Совесть является условным рефлексом!»), исход ограничения и запрещения, мука человеческая, выражение «неудовлетворённости культурой» (заглавие знаменитого эссе Зигмунда Фрейда)» [3, с. 284–285].

Идеалы и стремления человека, считал З. Фрейд, производны от бессознательных его влечений к удовольствию и чувства самосохранения. Тем самым умаляется свобода воли. В своём учении З. Фрейд показывает, что ошибочно рассматривать челове-

ка исключительно как сознательное и разумное существо. Во всех возвышенных, творческих устремлениях человека он «заподозривает» нечто примитивное и низменное, считая такое положение нормальным. С его точки зрения, идеалистические устремления «сверх-я» противоречат принципу удовольствия и реальности. На редукционизм в теории Фрейда обратил внимание Шелер, русские философы Б.П. Вышеславцев и С.Л. Франк называли такое сублимирование «профанацией», «циничным мировоззрением», «игрой на понижение». В. Франкл в критике психоанализа утверждал, что вытесненная духовность может привести к более тяжёлым последствиям, чем вытесненная сексуальность. Действительно, современные люди, лишённые традиционной религиозности, с головой бросаются в различные секты и примитивные верования, оккультизм и магию, что приводит к довольно тяжёлым, порой необратимым психическим или социальным последствиям. Искажённое проявление религиозности присутствует и в форме слепой преданности какому-либо человеку или идее, вплоть до самопожертвования. Здесь очевидна глубоко укоренённая человеческая потребность не просто чему-нибудь себя посвятить, но во что-то глубоко поверить всем своим существом.

Несмотря на широкую популярность фрейдизма, долгие годы отношения между психоанализом и психологией были сложными. Психоанализ отличался от психологии и по своему предмету, которым были, прежде всего, аномальное поведение и бессознательная мотивация поведения, и по своему методу, коим было исключи-

тельно клиническое наблюдение, а не контролируемый лабораторный эксперимент. При этом психоанализ рассматривал душевные болезни не как результат воздействия физических или соматических причин, но как патологические проявления самих же психических и душевных процессов. Психоаналитики начали лечить психические расстройства, обращаясь не к телу, а к рассудку пациентов. Данным обстоятельством объясняется тот факт, что психоанализ был и остаётся объектом непрекращающейся критики, как со стороны медиков, так и со стороны психологов. Ученик Фрейда Альфред Адлер (1870–1937) называл учителя мошенником, а сам психоанализ – «мерзостью и непристойностью» [14, с. 447].

Отрицая фрейдовский принцип определения поведения преимущественно прошлым опытом, Адлер подчёркивал значение для нашего поведения целей, т.е. устремлённость в будущее. При этом доминантными целями являются стремление к превосходству и самоутверждение. Карен Хорни (1885–1952) также не соглашалась с Фрейдом и полагала, что основной мотив поведения человека – это потребность в безопасности и освобождение от страха. Гордон Олпорт (1897–1967), анализируя психоаналитическое наследие, полагал, что психоанализ явно преувеличивает роль бессознательных сил и мотивов в ущерб сознательным. В действиях и поступках нормального человека главную роль играют рациональные мотивы, и лишь нездоровые люди, невротики подчиняются бессознательным импульсам. Перечень конкурирующих между собой теорий и направлений,

возникших на основе критики психоанализа, давно превысил десятизначное число. Подобное многообразие вариантов и направлений психоанализа можно рассматривать как свидетельство его слабости и угасания.

Однако многие ставят в заслугу З. Фрейду открытие неких чрезвычайно важных аспектов психики человека и разработку специальных методов восстановления нормальной психической жизни посредством выявления «на свет сознания» скрытых влечений. Едва ли с этим можно согласиться. Скорее всего, в наукообразной форме Фрейд всего лишь признал старую, как мир, истину о греховной поврежденности природы человека, а также различные формы её проявления в виде тех или иных «страстей». Именно в рамках христианской антропологии, в святоотеческой аскетике веками изучались, классифицировались и вырабатывались методы и способы преодоления пороков духовно-душевной жизни человека. В истории психологии мы не сможем найти не только высокой, но даже какой-либо внятной оценки этого уникального двухтысячелетнего опыта, записанного в многочисленных и ставших классическими трудах христианских подвижников.

В психологии до сих пор ценится фрейдистская теория о защитных механизмах организма от конфликтной среды. Но задолго до создания этой «великой» теории, в святоотеческой антропологии рассматривались все возможные варианты уклонений от самопознания. Например, живший в XIX в. преподобный Амвросий Оптинский, опираясь на святоотеческую традицию, так учил своих чад: «Пишешь о своём брате, который страдает

болезнью подозрения... Но совесть – неподкупный судья – упреками своими напоминала ему о необходимости покаяться, внушая, что он не прав, а виноват, а он вместо покаяния внушение совести обратил на преследование полиции» [2, с. 99].

Против излишней биологизации, эротизации и бездуховности бессознательного начала в человеке выступила *аналитическая психология* К. Юнга, в которой архетип (форма бессознательного – мир мистических видений, «гипнотических отпечатков», встреч с потусторонним миром, врожденная психическая структура) является движущей силой развития личности. Не принимая пансексуализм и бездуховность теории Фрейда (весьма справедливо и обоснованно), Юнг предлагает вместо них оккультную духовность, называя свою аналитическую, «глубинную» психологию то западной йогой, то алхимией XX в.

Высказываясь отрицательно по отношению к христианству как к «идеи преодолённой», символом своей философии он избрал Гермеса («Психология и алхимия»). Это непостоянное божество, излюбленное также у гностиков и алхимиков, которые называли его ляписом (философским камнем, «духом земли»). В гностицизме Юнг находит и главные архетипы (Демиург – тень, злой бог; София, «Вечная Женственность» – анима; Симон Волхв – мудрый старец). Тем самым, факт влияния Юнга на развитие психологии ставит вопрос о её духовно-этических основаниях, вернее, о нарастающем натиске обновлённого язычества.

Практические методы аналитической психологии активизируют бессознательное, что приводит к некон-

тролируемым взрывным процессам, мотивационным расстройствам, к пробуждению архаического мышления. М. Медведев и Т. Калашникова отмечают принципиальную ограниченность этих методов, которые не решают главного противоречия человеческой личности, не достигают её глубин, духовного Я [6].

Смысловым центром аналитической психологии Юнга является проблема *индивидуации* и помощи человеку в достижении его цели – самости, уникальной целостности, синтеза сознательного и бессознательного.

На пути к самости человек должен преодолеть свою социальную роль – маску, ограничивающую сознательное эго, и примириться со своей тенью – тёмным двойником Я, т. е. со своими недостатками. Архетип самости – бог в человеке, – по мнению Юнга, соединяет в себе противоположности добра и зла. Признание Юнга, что «добро и зло суть одно» [15, с. 216], очевидно, связано с влиянием на него восточных пантеистических учений о тождестве противоположностей. Заметим, что нравственный релятивизм никак не может привести к психическому здоровью; напротив, подобный хаос является источником психических заболеваний, а снижение индивидуальной ответственности разрушает личность и общество. Далее, индивидуацию можно рассматривать как индивидуализм, эгоизм, что приводит парадоксальным образом к обезличиванию человека, поскольку в процессе индивидуации дух человека, в котором как раз и заложена его уникальность, не раскрывается, но остаётся в латентном состоянии. Движение к обретению самости через слияние с низшим Я, через

потерю лица (маски) возможно только при умолкании совести. Как честно признавался Юнг, его принцип таков: «Не будьте совершенными, но любыми средствами старайтесь достичь полноты» [15, с. 101]. Однако, стремясь достичь полноты в самом себе, человек в аналитической концепции не понимает, что истинная его полнота – в лице другого, в любви к ближнему, как к самому себе, о чём свидетельствует совесть. Именно совесть несёт нравственный закон справедливости, в основе которого – интуиция *единосушности* людей.

Вполне оправданно советский психолог Л.С. Выготский «глубинной психологии» Юнга (а также Фрейд, Адлера и др.) противопоставил «вершинную психологию». Эту идею мы находим и в работах В. Франкла, австрийского психолога и психотерапевта. Согласно его теории *логотерапии*, движущей силой поведения человека является стремление найти и реализовать своими поступками смысл жизни – универсальные ценности бытия [13].

Но особенно отличается путь *индивидуации*, понимаемой К. Юнгом в качестве синонима *духовной работы*, от восстановления целостности личности в христианстве, где рост личного сознания происходит в единстве с благодатью, при этом в цельной личности не остаётся места бессознательному, инстинктивному, произвольному [5]. Это «тайное ядро» личности – совсем не «комплексы» в психиатрии, которые создаются на почве конфликтов в чисто эмпирическом слое личности. Человек как *наличное, эмпирическое Я* вступает в осознанный диалог со своим *духовным Я*, прежде всего через голос совести, при молитвенном об-

ращении к божественному *Ты*, особенно при чтении Священного Писания. Человек перестаёт «бредить самим собой», начинает воспринимать себя объективно, познавать себя. Психолог академик А.А. Ухтомский назвал этот процесс *доминантой на Собеседника* – победой над эгоцентрической доминантой и освобождением от *Двойника*. В этом случае человек начинает видеть лицо Другого, обретает и своё лицо, т. е. становится *личностью*. По своему духовному смыслу процесс развития личности связан с христианской добродетелью *смирения* – основой внутреннего («сокровенного») человека. Смирение в святоотеческом понимании – это способность видеть истину о себе самом. По мысли А.А. Ухтомского, при «молитвенном чтении души» может осуществиться перевод «тайных внутренних врагов» в «свет сознания». «Молитвенная дисциплина есть по преимуществу дисциплина всеобъемлющего внимания, освещающая все уголки тайного и подсознательного, соединяющая и собирающая личность в одно деятельное целое, скреплённое притом в могучую эмоцию – эмоцию любви ко всякому бытию» [10, с. 390].

Таким образом, в христианстве и в аналитической психологии мы видим два противоположных процесса: первый – движение в сторону духовного *Я*, к обретению лица (ипостаси) через очищение совести и самоотречение, через победу над низшим *Я* (Двойником, тенью); второй – движение к обретению самости через слияние с этим низшим *Я*, через потерю лица («маски»), через избавление от совести (как честно предупреждал Юнг) и усиление эгоизма. Путь индивидуации разрушает чувство реальности, заглу-

шает совесть, приводит к расстройству душевных сил, к состоянию отчуждения, – словом, это путь опустошающего индивидуализма. Как видим, решение проблем личности вне христианского понимания сущности человека наталкивается на неразрешимые противоречия. К тому же неизбежна путаница, разногласия – сколько авторов, столько и мнений.

Рассмотрим ещё одно направление – теорию *деятельности*, доминировавшую в недавнем прошлом в отечественной психологии как продолжение марксистского подхода к пониманию природы человека и статуса личности.

Наиболее влиятельными из её разновидностей были *культурно-историческая теория Л.С. Выготского* и *теория деятельности А.Н. Леонтьева*. Культурно-исторический подход к природе психики человека разрабатывался в 20-х гг. Л.С. Выготским, развившего положение марксизма о биосоциальной сущности человека, о вторичности, производности личности, которая формируется средой, практической деятельностью. Появление высших психических функций объяснялось Выготским как «интериоризация», превращение (с помощью системы знаков – материальных и словесных) внешних средств управления, организации производства и общения во внутренние (образ, внутренняя речь и т. д.).

Подробное изучение деятельности человека было продолжено учениками и коллегами Выготского, среди которых А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин и др. Авторы теории деятельности опирались на

определение личности как субъекта деятельности и предметно-практическое понимание деятельности, на тезис Маркса о том, что не сознание определяет бытие-деятельность, но, наоборот, деятельность человека определяет его сознание.

Наиболее полно теория деятельности была изложена в книге А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» (1975). Изучая деятельность человека, Леонтьев показал, что она имеет иерархическое строение и включает в себя несколько уровней: особая деятельность, действия, операции, психофизиологические функции. Пытаясь уйти от характерного для марксизма упрощённого механицизма и нигилизма в понимании личности, А.Н. Леонтьев подчёркивает, что основанием действий человека являются осознанные цели, мотивы, идеалы, ценностные установки, смысл жизни, что зависит от свободного нравственного самоопределения. Именно эти компоненты возводят действия человека на уровень деятельности. В то же время мотивы определяются им как «определённые» потребности. Но тогда потребность как «состояние объективной нужды» становится «исходной формой активности живых организмов». Так, утверждение, что начало действия – в субъекте в форме цели, логически противоречит изначальному тезису о примате бытия-деятельности по отношению к сознанию. Очевидно, желая достичь целостного и конкретного понимания личности, последователи теории деятельности (Д.А. Леонтьев) обратились в последние годы к проблеме смысла в фундаментальной психологии, заимствуя понятие смысла из философии и наук о языке [4].

В западной психологии носителем тенденции понимать поведение человека не столько через биологические потребности, сколько через социальные условия становится *гуманистическая психология*. В лице одного из её основателей американского психолога Абрахама Маслоу (1908–1970) она заявила о себе как о «третьей силе», выступив против сведения человека к поведению (бихевиоризм) и его детерминированности бессознательной сферой (психоанализ). То, что отвергли предыдущие направления, легло в основание гуманистической психологии: личность как априорная ценность в своей неповторимости, свободном творчестве, в стремлении к счастью. В качестве философской основы это направление испытывало влияние экзистенциальной философии и секулярного гуманизма, основанного на антропоцентризме и вере в бесконечное самосовершенствование человека.

Многих воодушевляло стремление гуманистической психологии отказать от попыток «просчитать» человека, интерес к его внутреннему миру. Однако христианское понимание направления совершенствования личности едва ли может быть непротиворечиво совмещено с однозначно имманентным пониманием смысла жизни, гедонистическими стремлениями как главному её содержанию. Повторим, что общий недостаток секулярно-гуманистической психологии (и антропологии) – отсутствие понятия греха и, соответственно, состояний личности (естественного, противоестественного и благодатного). Человек берётся в его наличном состоянии, которое рассматривается как всеобщее и нормальное (естественное), а

потребности становятся ведущей характеристикой активности личности, регулятивом её поведения, вне учёта реальности «страстей», искажающих естественные энергии (потребности) человеческой природы.

Отметим, что «деятельностный» подход к природе человека, характерный в целом для секулярной антропологии, присущ и гуманистической психологии. В нём природа человека определяется через совокупность базовых потребностей, которые должны удовлетворяться в порядке очерёдности. А. Маслоу в книге «Мотивация и личность» (2001) предложил теорию мотивации как иерархическую систему потребностей, выстроенную принципиально эгоцентрически. В ней не нашлось места для потребностей духовно-нравственных. Потребность самоактуализации, положенная в основу гуманистической психологии и антропологии, вызывает обоснованное несогласие В. Франкла: «Реальная цель человеческого существования не может быть достигнута посредством так называемой самоактуализации. Человеческое существование, в сущности, скорее самотрансцендентно, нежели самоактуализуемо. Самоактуализация вообще не может быть целью по той простой причине, что чем больше человек будет стремиться к ней, тем больше он будет промахиваться. Ибо только в той мере, в какой он будет посвящать себя осуществлению цели его жизни, он и будет себя актуализировать. Иными словами, самоактуализация не может быть достигнута, если это становится самоцелью, но может быть лишь сопутствующим элементом самотрансценденции» [12, с. 256].

Что для человека, в конечном счёте, «естественно», какие потребности и стремления самые главные? Обратимся к христианской антропологии, изучавшей потребности человека и его стремления к счастью, которое зависит от их удовлетворения. В ней постулируется один из главных парадоксов жизни: для удовлетворения реальных потребностей человека и достижения им счастья, полноты и осмысленности жизни, нужно стремиться к идеальному и невозможному – к предельному, конечному смыслу бытия. Требование утилитаристов и «реалистов» ради «действительного счастья» отказаться от философско-идеалистического подхода к человеку и иллюзорного абсолютного счастья на самом деле оказалось недостижимым. Парадоксальным образом гедонистическая установка в «законе возрастания потребностей», требующих своего удовлетворения, на практике построения социализма выявила обратную тенденцию сужения сферы потребностей и возрастания борьбы за удовлетворение самых элементарных нужд, или, в варианте западного «потребительского общества», ощущение дурной бесконечности и бессмысленности гонки потребления. Причём большинство потребностей не укладываются в схему разрешения противоречий между личностью и средой, поскольку созданы искусственно рекламой, эксплуатирующей и программирующей человеческие слабости.

Основная установка христианства в данном вопросе не гедонистическая, но аскетическая, в ней всё ставится в зависимость от духовного освобождения человека от рабства низшим началам для воспитания целостной, здоро-

вой личности. Христианский аскетизм означает не изуверство, но идеальный ориентир, духовный самоконтроль над стихией собственной телесности, инстинктами. Согласимся, что категория потребности сама по себе «мало что даёт для понимания тайны духовной жизни человека, более адекватным здесь является понятие страстей. Именно через генезис страстей, страстного состояния души, через «невидимую брань» человека со страстями христианская святоотеческая традиция проникает в скрытую от эмпирии жизнь духа, восстанавливает повреждённое грехопадением естество человека» [1, с. 87]. Таким образом, в христианской антропологии последовательно проводится ценностно-ориентированный анализ потребностей человека по их роли в воспитании целостной, здоровой личности. Идеалом являются разумные потребности, т. е. управляемые разумом, в которых соблюдается мера, гармония, соответствие потребностей собственным способностям, средствам их достижения.

Особенно показательно принципиальное расхождение секулярно-гуманистической антропологии и христианской, утверждающей божественное ядро личности, естественность веры. Стремление к Богу как источнику абсолютных ценностей красоты, любви, истины становится объективной необходимостью для человеческой души, побудительной силой человека. Это иное, духовное по своей природе чувство принципиально отличается и от стремления к превосходству (по А. Адлеру), и от самоактуализации (по Маслоу), и даже от поиска смысла жизни (по В. Франклу). Тем более оно никак не связано с сексуальным чувством – либидо (по Фрейдю). «Духов-

ное рождение» человека, пробуждение его от бессознательного сна неразрешимо без обращения к истине о грехе. В христианской антропологии *грех* – синоним смерти души, это существование безбожное, бессовестное, безлюбное, эгоистичное, страстное.

Массовая поп-психологическая литература как носитель имморализма

Знакомство с работой психологических групп, встреч, курсов раскрытия потенциала в бизнес-клубах, сеансами развития способностей и т. п., несомненно, свидетельствует о тенденции превращения этих групп в объединения с ярко выраженными сектантскими особенностями. Характерный признак этого – появление многочисленных «гуру», «наставников», «учителей» и т. п. «Изучение последствий участия в подобного рода группах встреч показало, что уровень психогенных причин разного рода расстройств и нарушений в некоторых случаях составляет 50 %» [15, с. 479]. И это не случайно. Психологическое знание – не абстрактная информация, но реальный фактор, способный изменить и человека, и нравственные отношения, и социальную реальность. Именно поэтому распространение психологии не только в форме групп, сеансов, школ, практик и т. п., но и в форме массовой литературы – далеко не безобидное для общества и человека явление. Оно непосредственно включено в нравственный контекст, затрагивает пласт духовно-нравственных отношений. В связи с этим возникает вопрос: не суждено ли современной психологии поневоле стать одним из самых явных носителей «вируса» имморализма?

Несомненно, знакомство с популярной психологической литературой едва ли способствует духовно-нравственному и психическому здоровью. Уже одни названия книг, да и само содержание, говорят о проблематичности пользы многочисленных психологических изданий. Вспомним, что знакомство постсоветского читателя с западной поп-психологией началось с Карнеги. Вот небольшой перечень наименований психологических изданий 2000–2003 года: «Как сделать, чтобы жизнь удалась?»; «От любви до безумия»; «Добрая сила тоски»; «За что мы любим мужчин»; «Бинтование душевных ран (или психотерапия любви к себе)»; «30 способов познакомиться и понравиться»; «10 способов как стать гением»; «Как избавиться от соперницы»; «Секреты семейного счастья»; «Мужчины – ко мне!»; «Искусство получать всё, что вам нужно»; «Исцеление эгоизмом, или найди свою стаю» и т. п. Появление подобной литературы у нас носит характер информационного взрыва. По статистическим данным книготорговой сети объём изданий по психологии превышает количество литературы по любому другому направлению. Миллионными тиражами издаются в России и труды классиков психологии, знакомство с которой свидетельствует о главном: нет ничего, что свидетельствовало бы о согласии между психологами относительно понимания сущности и предмета психологии, единых принципов для понимания человека. Историки психологии отмечают, что «психология представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей» (Koch, 1993), или, к примеру, «американская психология разделена на

враждующие фракции» (Leahey, 1992); цит. по: [14, гл. 1]. Почти правилом стала ожесточённая и сокрушительная критика каждой новой возникающей школы в адрес предшественников. Их объединяет разве что некая вне- или антихристианская тональность, которую в определённом смысле можно рассматривать и как фундаментальную традицию, и как объединяющий их «научный» принцип. На это нельзя сегодня не обратить внимание.

Наша страна переживает в настоящее время серьёзный психологический бум. В чём он проявляется? Во-первых, во внедрении различных психологических служб во все сферы жизни, в разнообразных ведомствах и организациях. Ставки психологов введены в штатное расписание общеобразовательных школ (и даже детских садов), предприятий, управленческих организаций. Психологи есть в правительстве, в Госдуме, банках, в командах политиков, в полиции, в театрах.

Не может не вызывать сомнений массивный характер внедрения психологии в российское образование. У старшего поколения данная процедура способна вызвать аналогию с внедрением «науки» марксизма-ленинизма в школы и особенно в вузы. С 2000 г. она стала дисциплиной, обязательной для изучения. Поражает и темп роста учебных заведений психологического профиля: если в 60-е гг. в СССР психологов готовили 3 философских факультета (Московского, Ленинградского и Тбилисского университетов), то сейчас в одной только Москве 56, а в России существует 200 учебных заведений, выпускающих психологов (для сравнения – в нынешней России всего 47 медицинских ву-

зов). Но это число только лицензированных учебных заведений, а сколько существует полуофициальных курсов, кафедр повышения квалификации, центров переподготовки специалистов и т. п.? Несомненно, психология становится одной из самых массовых профессий.

Как же служит человеку научная психология? Прежде всего, в ней видят знание о том, как управлять человеком и добиваться его подчинения для достижения своих целей, будь то цели политические, финансовые и т. п. Это чрезвычайно важно для рынка, двигателем которого является реклама. Как известно, доллар, вложенный в рекламу, приносит больше прибыли, чем доллар, вложенный в развитие производства. Первым начал применять психологические методы в бизнесе и рекламе Уолтер Дилл Скотт (1869–1955), и утверждают, что ему удалось резко повысить эффективность рекламы. Открытие Гинбергенем и Лоренцом (лауреатов Нобелевской премии) «ключевых стимулов» восприятия, запускающих ту или иную программу инстинктивного поведения, было взято на вооружение психологами, работающими в области рекламы. В качестве таковых в рекламе используют: а) образы детей; б) сексуально привлекательных женщин и мужчин; в) ложные социальные доказательства («так делают все»); г) поклонение авторитетам. Важно отметить соответствие «ключевых стимулов» основным нравственным чувствам – стыду, жалости и благоговению, о которых писал Вл. Соловьёв. Но при этом подмечается их предметность и принципы, не предполагающие аскетизм, альтруизм и богопочитание. Таким образом

«нравственные чувства» этики превращаются психологами в «стимулы», эксплуатирующие в рекламе человеческие «страсти». В результате мы получаем психологическое «обслуживание зла» в реальности нашей жизни.

Огромный спрос на поп-литературу по психологии связан с эксплуатацией не только низменных инстинктов, но и возвышенных стремлений к решению вечных вопросов человеческого бытия: «Как жить?», «Что такое Я?», «Как поступать правильно?», «Что ждет меня в будущем?». Поп-психология стремится дать ответы на все эти вопросы, но с позиции имморального ограничения свободы и достоинства личности. И здесь обнаруживается её генетическая связь не столько с философией, сколько с астрологией, физиогномикой, гаданием, хиромантией, сонниками и тому подобными псевдонауками. Если всё перечисленное считается сегодня далёким от настоящей науки, то психология даёт якобы научные ответы на смысложизненные вопросы. Для достижения этой цели любая психологическая теория ставит три основные задачи: 1) создание типологии личностей и выявление типа личности пациента; 2) создание теории развития личности с определением стадий развития; 3) выявление главной стадии, формирующей тот или иной тип личности.

Например, Генри Мюррей (1893–1988) в своей психологической системе, которую он называет персоналогией, полагает, что личность в своём развитии проходит ряд стадий. Каждая из них – это отличный от другого способ получения удовольствия, и с каждой из них связан комплекс, т. е. форма воздействия бессознательного на раз-

витие личности. К этим стадиям-комплексам он относит: 1) клаустральный комплекс (безопасное существование в утробе матери), 2) оральный комплекс (чувственные наслаждения от сосания), 3) анальный комплекс (удовольствия от дефекации), 4) уретральный комплекс (чувственные наслаждения от мочеиспускания), 5) генитальный комплекс (генитальные удовольствия). Выяснение того, какая стадия оказалась для вас доминантной, и определяет то, кто вы по своей психологической сути, к какому типу личности вы относитесь, что вам стоит ждать от жизни в ближайшем будущем.

Один из основных «научных» приёмов ответа психологии на экзистенциальные вопросы – типология личности. Едва ли можно найти психолога, который не создал бы свою типологию личности.

В научной литературе можно встретить различную типологию характеров, которая представлена как типология личностей. Много внимания типологизации уделено в психоанализе, в котором характер определяется как продукт компромиссов между бессознательным и влиянием внешней среды, как единство «фасада» и истинного, т. е. скрываемого («тёмного прошлого»). З. Фрейд делил всех людей всего лишь на две группы – оральную и анальную. В зависимости от того, как человек проходит эти стадии своего развития, определялось, как он будет вести себя в той или иной ситуации. В конце концов, все люди рассматриваются как потенциальные психические больные. Не случайно последователь Фрейда Э. Гловер делил всё человечество на истерический, невротический, депрессивный, алкоголический,

ипохондрический, параноидальный, шизоидный и психопатический типы. Создаётся впечатление, что психология раскрывает сущность личности, но на деле – это лишь её «затмение», от которого нужно освободиться.

Неотъемлемой частью психологической литературы является бесконечное множество схем, тестов, практик, психодиагностик, целью которых является поиск и нахождение ответов на подобные вопросы. При делении людей на типы главное – найти свою «клеточку» в этих «кроссвордах», и далее обязательно будет рассказано, «что было», «что будет» и «чем дело кончится».

Отметим, что подобные типологии не решают проблемы личности: в них нет динамики, идеала, различения добра и зла, пороков и добродетелей. По-видимому, тайна человека – не в типологии его характера (часто смешанном), а в мировоззрении, духовной ориентации, ценностном выборе, в направленности его любви, по словам Августина Блаженного. «Новый человек» («новая тварь») в Евангелии – личность гармоническая, однако её описание не психологично, но обусловлено духовным законом.

Здесь пролегает линия принципиального отличия современной психологии во всех её разновидностях от христианской нравственной антропологии, в которой систематизируются и классифицируются не личности, но поступки, в частности, образ проявления греховности и добродетели. Следуя духовным и нравственным законам, человек освобождается от греховной зависимости, становится свободным для совершенствования в добре. Личность в христианстве не программируется и не блокируется.

В отличие от христианской антропологии психологическая типология не ориентирует личность на совершенствование, на спасение. Пребывая в фундаментальном заблуждении относительно динамической сущности и высшем предназначении человека, она скорее уводит от Истины.

Кризис идентичности психологии

В силу постоянных и типичных психологических «блужданий», одной из главных проблем современной психологии становится проблема идентичности личности, т. е. фундаментальное несовпадение «образов», «ролей», «установок», предлагаемых психологией человеку. Эрик Эриксон (1902–1994) в работе «В поисках собственного Я» говорит о том, что кризис идентичности – это разрыв между тем, кем мы хотим быть, и тем, кто мы есть. В этой проблеме нельзя не заметить связи между пониманием в психологии сущности человека и тем, что ему предлагается. В значительной мере можно говорить о кризисе идентичности самой психологии, продуцирующем кризис идентичности человека. С каждым новым направлением и школой в психологии лишь увеличивается разрыв между тем, что есть человек, и тем, как его пытается «сделать» психология. На основании принципов и методов, подходов и приёмов, предлагаемых психологией, главная цель человеческой личности, как она понимается в психологии – установление позитивной идентичности Эго, – вообще не может быть достигнута. Где та точка опоры, которая задаст направление и силы для этого формирования? Может ли дать её психология? Едва ли, ибо изначально исходной точкой

«науки» и «научного» понимания поведения человека был сознательно избранный имморализм. Претензии психологии объяснить поведение, исключая нравственность как основание человеческого поведения, оборачиваются ещё одним проявлением кризиса самой психологии.

Что же получаем в итоге? В результате психология олицетворяет небывалую прежде неточность и нестрогость науки, путаницу в терминологии и определениях, отсутствие единства не только относительно трактовки основных понятий, но и в выборе того, какие понятия считать важными, какие – второстепенными. Ещё на заре научно-экспериментальной психологии С. Франк увидел опасность фальсификации этой науки через грубейшее смешение её с мистикой в популярных тогда (и сейчас) оккультно-теософских учениях о душе с характерным для них прагматизмом и «противоестественным супранатуралистическим материализмом», включающим духовно-нравственные законы жизни души. Духовные феномены, доступные лишь внутреннему созерцанию, рассматриваются в них «как что-то материальное, осязаемое, над чем можно производить внешние эксперименты, что можно даже взвешивать и фотографировать<...> шарлатаны и легковуры имеют здесь в силу самого метода<...> неизбежный перевес над добросовестными и осторожными людьми» [11, с. 647].

С учётом этой реальности, этично ли со стороны психологии и психологов претендовать на роль учителей, знатоков и целителей человеческих душ? Необходимо распространить основной принцип врача «не навреди»

и на профессиональную деятельность психолога. Ибо психолог не просто взаимодействует, но он воздействует на человека. В медицине такое воздействие называется вмешательством, что нередко представляет прямую угрозу для психического здоровья и даже жизни человека. Очевидно, что вмешательство психологии даже опаснее медицинского, поскольку медицина имеет дело с телом, а психология с – душой человека. Очень важно защитить человека от манипуляций над ним и предостеречь о возможности нанесения вреда душе, воле и сознанию человека.

Перспективы психологии

Нужна ли нам вообще психология, и если нужна, то какой она должна быть? Прежде всего, она не должна быть областью естествознания, заменой учения о душе как особой реальности учениями о «психофизиологических явлениях», изучаемых по аналогии с явлениями внешнего предметного мира. По определению С. Франка, нужна психология как *философия души* – наука, имеющая свой особый предмет, метод, назначение – «быть именно посредницей между сверхнаучной областью религии, искусства, нравственности и областью логического знания» [11, с. 649].

С другой стороны, психология не должна быть враждебной науке, оккультной псевдонаукой, своеобразной сектантской псевдорелигией.

Недавно в Брюсселе прошла конференция, посвящённая 20-летию образования FECRIS – *Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве* (вице-президентом ФЕКРИС является проф. А.Л. Дворкин). Следует от-

метить, что FECRIS – это организация, имеющая официальное признание в ЕС и ООН и работающая при поддержке правительства Франции. На этой конференции, в частности, рассматривалась опасность различных псевдонаучных концепций и практик в области психотерапии взрослых и детей. С докладом на эту тему выступил министр здравоохранения Бельгии. Он рассказал, что в Бельгии подготовлен законопроект, призванный защитить потенциальных жертв от улавливания в сети опасной лжепсихотерапии [16; 17]. Важно отметить, что в России до 2007 г. действовал аналогичный приказ Минздрава, призванный взять под контроль «альтернативную» психологию и психотерапию, примыкающих к новым религиозным движениям, тоталитарным сектам и нетрадиционным направлениям оккультно-мистического характера (колдовство, шаманство, ведовство, магия, парапсихология, астрологическая и кармическая медицина, трансцендентальная медитация, методы, направленные на контроль сознания и формирующие зависимый тип личности – зомбирование, что ведёт к тяжёлому травмированию психики) [8; 9].

Какой же должна быть психология? В современной отечественной психологии, по мнению заведующего кафедрой общей психологии психологического факультета МГУ Б.С. Братуся, существуют три тенденции и, соответственно, три подхода к пониманию природы человека и статуса личности: продолжение «деятельностной» теории, западническая и возрождающаяся христианская [7]. Клинический психолог В.В. Боровских подчёркивает, что психология должна основываться на опытной базе православно-хри-

стианской аскетики, ибо *православие – вершина медицины*. Отличие «светской» психологии от православно-христианской Б.С. Братусь видит в том, что если в первой присутствуют двое – психолог (психотерапевт) и пациент, то во второй – трое, ибо обоим опосредует Бог. Психолог как «профессиональный собеседник» видит в пациенте образ Божий, пытается разбудить в нём духовную личность. Такая научная психология стала уже реальностью. В наше время в России издаётся достаточное количество книг и статей, посвящённых христианской позиции в области психотерапии, психологии и психиатрии (Д.А. Авдеев, Анатолий (Берестов), С.А. Белорусов, В.В. Боровских, А.С. Бочаров, Б.С. Братусь, П. Гумеров, Евмений (Перистый), В.А. Есличев, Л.Ф. Ермакова, Ю.С. Ерофеева, К.В. Зорин, Л.В. Киржанова, Н.А. Лайша, М.В. Легостаева, А. Лоргус, Д.Е. Мелехов, А.Н. Моргун, В.К. Невярович, О.В. Никифоров, Нина Крыгина, Д.В. Новиков, В.Е. Семёнов, Ю.И. Тимофеева, Т.А. Флоренская, А.Г. Фомин, М.И. Хасьминский, Е.А. Ходырева, А.В. Чернышев, Л.Ф. Шеховцова и др.). В них на основе знания святоотеческого наследия и классиков психологии обсуждаются насущные вопросы: проблемы брака и семьи, рождение и воспитание детей, поиск выхода из кризисных ситуаций в вере, отстаивание нравственных и национальных ценностей, преодоление химической зависимости – алкоголизма и наркомании. Нередко психиатры отмечают, что медицина не знает точных причин наркомании, не может излечить их (В.В. Боровских). Причина в том, что химическая зависимость не столько болезнь, сколько духовный не-

дуг. Поэтому Церковь в соответствии с многовековой православной традицией подходит к этому явлению, как и к любой другой страсти-зависимости: это потеря самообладания, самоуправления, свободы, другими словами – духовный недуг, который поражает душевный и телесный строй, требуя, прежде всего, духовного исцеления. Особая тема – пастырская психология, предполагающая знакомство пастыря с прикладными знаниями, т. е. знаниями, которые помогут разрешать конкретные проблемы конкретных людей. Как пишет В. Еротич, в наш век духовного оскудения недостаток духовных даров может хотя бы отчасти восполнить знание психологии. Отношение к достижениям психологии «должно быть разумным, ибо и с ядовитых цветов пчела собирает мёд». Необходимо не путать знание, полученное в ходе добросовестного исследования, и так называемые идейные интерпретации (толкования) этого знания различными философско-мировоззренческими системами, к которым относится большинство психологических теорий: психоанализ, аналитическая психология Юнга, гештальтпсихология и др.

Психология (и психотехника) – западная наука, возникшая в конце XIX в., в эпоху спада религиозного сознания, и направленная на решение взрослых по мере секуляризации психических проблем и исключительно «земных» задач. Основанная на принципе саморегуляции, она нацелена на повышение самооценки человека, «знающего себе цену», считая патологией заниженную самооценку (какими ошибочно считаются христианские добродетели духовной нищеты, кротости, смирения). На какое-то время это работает, хотя

неизбежно приводит в смысло-жизненный тупик. К сожалению, в нашей стране происходит копирование западной научной психологии. Согласимся с В.В. Боровских в том, что у нас другой менталитет, формировавшийся веками нашими предками, поэтому западная психология нам не подходит. Какую духовность может предложить наш психотерапевт, лишённый знания традиции? Магию, диагностику кармы, ауру, гипноз, шарик... Только та психотерапия, которая основана на церковной духовности, имеет у нас перспективу.

В связи с этим возникает необходимость в подготовке специалистов общей и педагогической психологии, ориентированных на православно-христианскую антропологию. Почему бы, скажем, такие профили, как начальное и дошкольное образование, готовящих психолога-учителя иностранного языка как проводника западной культуры, не дополнить направлением подготовки, базирующимся на традиционной для нас православной культуре, тем более что потребность в таких специалистах всё более возрастает?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воробьев С.Л. Онтологические образы психологии // Основы христианской антропологии. Хрестоматия / Составитель Д.В. Новиков. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. 128 с.
2. Душеполезные поучения Преподобного Амвросия Оптинского. Издание Введенской Оптиной пустыни, 2002. 510 с.
3. Еротич В. Христианство и психологические проблемы человека / Пер. с сербского. М.: Издательский совет РПЦ, 2009. 480 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2003. 487 с.
5. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
6. Медведев М., Калашникова Т. Об аналитической психологии Карла Юнга // О психологии К. Юнга и прозе Г. Гессе. Пермь: Панагия, 2001. 128 с.
7. Начала христианской психологии: Учебное пособие для вузов / Б.С. Братусь, В.Л. Воейков, С.Л. Воробьев и др. / Отв. ред. Б.С. Братусь. М.: Наука, 1995. 236 с. Гл. 2.
8. Приказ № 245 от 13.06.96 "Об упорядочении применения методов психологического и психотерапевтического воздействия" // Институт Психотерапии и Клинической Психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyinst.ru/page.php?p=223> (дата обращения: 20.03.2015).
9. Приказ от 4 июня 2007 № 395 "Об отмене приказа Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 245 "Об упорядочении применения методов психологического и психотерапевтического воздействия" // Институт Психотерапии и Клинической Психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyinst.ru/page.php?p=543> (дата обращения: 20.03.2015).
10. Ухтомский А.А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
11. Франк С. Душа человека // Предмет знания. Душа человека. М.: АСТ, 2000. 992 с.
12. Франкл В. Доктор и душа / Пер. с англ., предисл. А.А. Борева. СПб.: Ювента, 1997. 287 с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
14. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии / Пер. с англ. А.В. Говорунов, В.И. Кузин, Л.Л. Царук / Под ред. А.Д. Наследова. СПб.: Евразия, 1998. 532 с.

15. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: её история и практика. Киев: Синто, 1995. 236 с.
16. Laurette Onkelinx [Электронный ресурс]. URL: <http://www.laurette-onkelinx.be/production/article.php?ArticleId=8&ActiviteRepresentationId=145> (дата обращения: 10.04.2014).
17. Plusieurs dizaines de milliers de Belges sont touchées par les dérives sectaires // Le vif. be [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levif.be/info/actualite/belgique/plusieurs-dizaines-de-milliers-de-belges-sont-touchees-par-les-derives-sectaires/article-4000569501957.htm> (дата обращения: 10.04.2014).